

*Посвящается всем, кто осмеливается мечтать
и жить своими истинами.
Всем, кто готов противостоять злу и сказать:
«С меня достаточно», — эта книга для вас...
...и для моей семьи.*

Часть I

*И восстанет она из огненного пепла.
И никакая вода не сможет унять ее боль.
И никакое Искушение не постигнет ее.
И да никогда мы не произнесем ее имени.*

— Песня о Безымянной

ПРОЛОГ

Стой спокойно, Маленькая Жрица.

Отец стоит передо мной на коленях, сжимая в руке ожерелье из зубов.

Они сверкают, как полированный жемчуг, и я расправляю плечи, пытаюсь казаться выше, — я хочу, чтобы отец гордился мной. Гулкое эхо барабанов джембе не дает мне услышать, что он говорит, но я вижу яркий блеск в его глазах, когда он надевает ожерелье с зубами на мою шею. Этой ночью я стану истинной дочерью племени Аатири.

Магия всех цветов трепещет в воздухе — нежная, как взмах крыльев бабочки. Я не могу сидеть спокойно, пока ее всполохи пляшут на темной коже моего отца, словно светящиеся жуки. Магия скользит по его подбородку, прыгает ему прямо на нос. Я протягиваю руку, чтобы поймать один золотой уголек, но он выскальзывает у меня из пальцев. Я смеюсь, и отец смеется мне в ответ.

Девочки перешептываются, пока их матери поправляют кафтаны и костяные амулеты. Магия окутывает далеко не каждого — огоньки подлетают к каждому третьему, игнорируя остальных. В моей груди что-то сжимается — я вижу, как магия уходит к другим, ко мне же огоньки не подлетели ни разу. Ни разу.

Те немногие, что говорят на языке тамаран, спрашивают меня, каково это — жить в далеком Всемогущем коро-

левстве. Они говорят, что я не настоящая Аатири, потому что моя мать не из племени. У меня в животе все сжимается от этих слов, потому что в них есть правда.

Я высоко держу голову, пока отец поправляет мне воротник. Он единственный мужчина в палатке, и другие девушки шепчутся об этом. Мне все равно, что они говорят. Я рада, что он здесь.

— Почему магия не приходит ко мне, отец?

Вопрос прозвучал слишком громко, и в палатке воцарилась тишина. Другие девочки и их матери смотрят на меня так, словно я сказала что-то плохое.

— Не волнуйся, дочка, — говорит он, складывая рукава моего оранжево-синего кафтана, такого же, как у него. — Она придет в свое время.

— Но когда? — говорю я, топая ногой.

Несправедливо, что многие дети Аатири моложе меня уже обладают магией. Среди моих друзей из племени Тамар одна лишь я могу видеть магию — но здесь она стекается к другим детям, которые заставляют ее делать разные вещи. Я не могу так.

— Может быть, никогда, маленькая эвайя, — произносит на тамаран с сильным акцентом самая старшая девочка. Она сердито смотрит на меня, и я морщу нос, отвечая ей взглядом. Я не ребенок, она ошибается. Все придет со временем.

Мать девочки цокает языком и что-то суетливо говорит ей на аатири. Ее слова скользят мимо моих ушей без всякого смысла, как и все странные и красивые языки на рынках у нас дома.

— Даже если магия никогда не придет к тебе, ты все равно останешься моей Маленькой Жрицей, — говорит отец.

Я показываю девочке язык. Это научит ее не быть такой злой.

Другая девочка спрашивает, почему здесь нет моей матери.

— У нее есть более важные дела, — отвечаю я, вспоминая, как отец умолял ее приехать.

— Почему такое грустное лицо? — спрашивает отец, сжимая мои щеки. — Имебье — это время празднования. Сегодня вечером ты начинаешь свой долгий путь во взрослую жизнь.

Барабаны джембе затихают. Я прикусываю губу. Другие девочки вздрагивают. Пришло время встать перед всем племенем, чтобы вождь мог благословить нас. Но ноги не слушаются меня, а другие девочки тем временем спешат из палатки со своими матерями.

— Отец, я хочу домой, — шепотом говорю я, после того как последняя девочка уходит. Его глаза как будто потухли.

— Мы скоро отправимся домой. Хорошо?

— Я хочу домой сейчас же, — говорю я чуть тверже.

— Разве ты не хочешь принять участие в Имебье?

Я качаю головой так сильно, что мои костяные амулеты начинают позвякивать. Отец поднимается на ноги.

— Как насчет того, чтобы просто посмотреть церемонию вместе?

Вождь входит в палатку, и я прижимаюсь к отцу. Ее серебристый кафтан трепещет вокруг лодыжек, ярко выделяясь на фоне темной кожи. Черно-белые дреды собраны в подобие хвоста у нее на макушке.

— Планируют ли мой сын и внучка принять участие в церемонии, ради которой они четырнадцать дней провели в дороге? — звучит в палатке ее низкий голос.

Отец приобнимает меня за плечи.

— Не в этом году.

Вождь кивает, как будто ее это устраивает.

— Могу я поговорить со своей внучкой наедине, Оше?

Отец обменивается с ней взглядом, которого я не понимаю.

— Если Арра не возражает.

Я сглотнула комок в горле.

— Хорошо.

Он сжимает мое плечо, прежде чем выйти из палатки.

— Я посторожу для тебя место поближе к центру.

Вождь садится на пол и одаривает меня лукавой улыбкой, показывая редкий ряд зубов.

— Присядь со мной.

Шорох шатра — отец вышел. Мои ноги ноют от желания последовать за ним, но вид великого вождя Аатири, сидящей на полу, удерживает меня на месте. Я сажусь напротив нее, и она поднимает ладонь. Искры желтой, пурпурной и розовой магии падают ей на руку.

— Как ты заставляешь магию приходиться к тебе, великий вождь?

Ее глаза широко распахнулись от удивления.

— Прежде всего я твоя бабушка. Обращайся ко мне именно так.

— Как, бабушка? — наконец говорю я, прикусывая губу.

— Кто-то может вытягивать магию из ткани мироздания. — Бабушка смотрит на разноцветные блики, что танцуют на кончиках ее пальцев. — Некоторые могут призвать магию ритуалами и заклинаниями. Многие вообще не способны призывать магию. Это дар от Хека народам пяти племен — дар самого себя. Но для каждого человека этот дар разный.

Она протягивает мне пучок магии, и я наклоняюсь к нему поближе. Я надеялась, что на этот раз магия придет ко мне — но она исчезает, едва коснувшись моей руки.

— Я вижу ее, — говорю я, опустив плечи, — но она меня не слушается.

— Такое и правда случается редко, — говорит она. — Такие случаи уже были, но их мало.

Пушистые пучки ее магии прижимаются к моему лбу. Ощущение неприятное, и я засунула руки между коленями, чтобы не чесать лицо.

— Похоже, у тебя есть еще один дар, более редкий. — Ее брови сошлись вместе, как будто она наткнулась на загадку. — Никогда не встречала разум, к которому не могла бы прикоснуться.

Знаю, она говорит это, чтобы я почувствовала себя лучше, но это ничего не значит, ведь я не могу призывать магию, как настоящие колдуны — как мои родители, как она.

Бабушка лезет в карман и достает горсть костей.

— Они принадлежали моим предкам. Я использую их, чтобы привлечь к себе еще больше магии — больше, чем я когда-либо смогу удержать на кончиках пальцев. Когда я сосредотачиваюсь на том, что хочу увидеть, они показывают мне это. Хочешь попробовать?

Она бросает кости в мою ладонь. Они блестят в свете горящих лампад с маслами, установленных на табуретках под навесом.

— Закрой глаза, — говорит бабушка. — Позволь костям заговорить с тобой.

По моей руке пробежал холод, и сердце заколотилось. Снаружи снова зашумели барабаны джембе, отбивая медленный, ровный ритм, от которого у меня перехватило дыхание. Вся правда написана на лице бабушки.

Правда, которую я и так знаю. Кости не разговаривают. Шарлатанство.

Это слово эхом отдается в моей голове. Так моя мать говорит про уличных торговцев на рынке — тех, кто продает бесполезные талисманы на удачу, потому что их собственная магия слаба. А вдруг она и меня считает шарлатанкой?

Мои пальцы болят от напряжения, и бабушка шепчет: — Отпусти их.

Кости вылетают из моей руки и рассыпаются по полу между нами. Какие-то падают недалеко друг от друга, какие-то улетают довольно далеко. Мои глаза горят при взгляде на них. Я стараюсь услышать хоть какое-то послание предков сквозь шум барабанов.

— Удалось что-нибудь увидеть или услышать? — спрашивает бабушка.

Я моргаю, и слезы наворачиваются на глаза.

— Нет.

Бабушка улыбается и собирает кости.

— Не у всех магия проявляется так рано. Кого-то она не слушается до тех пор, пока они не достигнут зрелости. Но когда дар приходит позже, он проявляет себя очень сильно. Возможно, когда-нибудь ты станешь могущественной колдуньей.

Мои руки дрожат, когда слова девушки из племени Аатири возвращаются ко мне: «А может, и никогда».

— Пойдем, дитя, праздник ждет, — говорит бабушка, поднявшись на ноги.

Я выбегаю из палатки, не дожидаясь бабушки, по щекам текут слезы. Я не хочу быть сильной колдуньей в далеком будущем. Я хочу, чтобы магия пришла ко мне прямо сейчас. Меня обдает жаром ночной пустыни, и мои босые ноги шлепают по твердой глине. Искры магии падают с неба на вытянутые руки других детей, но часть их улетает прочь. Я бросаюсь сквозь толпу и следую за своенравным сгустком магии, твердо решив поймать его сегодня.

Она вьется, словно крылатая змея, между глинистыми хижинами, всегда держась на два шага впереди меня. За палатками звук барабанов слышен не так сильно, он превращается в отдаленный гул. Сгусток магии исчезает, и я останавливаюсь. Здесь темно и холодно. Внезапно мой нос улавливает запах снадобья, замешанного на крови. Кто-то проводит ритуал в темноте. Нужно разворачиваться и убегать. Ветер предостерегающе завывает, но я подхожу чуть ближе. В мою лодыжку внезапно вцепляются пальцы, кривые и тонкие, как корни дерева.

Я дергаю ногой, и рука разжимается. Мое сердце бьется громче барабанов джембе, я вспоминаю все страшные истории о демонах. Писарь однажды предупредил во вре-

мя урока: «Не попадайтесь в тени, потому что демон ждет, чтобы украсть вашу душу. Чем моложе душа, тем слаще его праздник». Дрожь пробегает по рукам при этой мысли, но я напоминаю себе, что это всего лишь сказка, которую рассказывают детям, чтобы напугать их. Я уже слишком взрослая, чтобы верить в такое.

Но дыхание ко мне возвращается лишь тогда, когда я вижу силуэт женщины. Она бьется в конвульсиях на песке, а ее кожа светится от магии. Рот женщины скривился в душераздирающем крике. Я не знаю, что с ней делать; она выглядит и молодой, и старой, и живой, и мертвой. Кажется, ей больно.

— Дай мне руку, — говорит женщина слабым голосом.

— Я могу позвать отца, — предлагаю я, помогая ей сесть.

Ее смуглая кожа приобрела пепельный оттенок и покрылась испариной.

— Не стоит. — Она вытирает грязь с губ. — Мне просто нужно отдохнуть от заклинания.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю я, опускаясь на колени рядом с ней.

— Могла бы задать тот же вопрос, да ответ уже знаю. — В ее пустые глаза возвращается искра жизни. — Есть только одна причина, по которой ребенок не принимает участия в Имебье.

Я отвожу взгляд — она все знает.

— У меня тоже нет магии, — произносит она с горечью в голосе. — И все же она отвечает на мой зов.

Я с трудом сглатываю комок в горле, пытаюсь подавить бегущий по спине холод.

— И как это понимать?

Она улыбается, обнажая свои гнилые зубы.

— У магии есть своя цена... если ты готова заплатить.